

его руководителя по диплому – профессора Н.В.Деменева, а также читавшую спецкурсы профессора А.К.Шарову. Н.В.Деменев в курсе «Металлургия редких металлов» старался донести до студентов не столько суть процессов, их физико-химические основы, сколько аппаратное оформление, т.е. оборудование. Для практической работы это оказалось очень полезно, но у нас оставалось впечатление, что как будто он недостаточно знает химтермодинамику, кинетику, химическое строение и пр. Однако впоследствии, уже работая научным сотрудником и присутствуя на ученом совете по защите диссертаций, я понял, что это было ложное впечатление. Его вопросы, выступления доказали, что он профессор и в теории. Стало ясно, что он, так сказать, приземлял нас, приближал к собственно производству. Ну что же, это тоже яркий педагогический метод.

Моя первая научная дискуссия произошла при защите диплома старшим преподавателем А.Н.Барабосхиным. Я ему проиграл в вопросах теплопередачи в печи и он настоял на оценке «хорошо». Зато он меня запомнил и здороваается до сих пор, а ведь он – академик РАН. Он прост в обращении, как и наши первые учителя по физтеху.

Об учебе на физтехе каждый может написать многое. Но главное, физтех – это высокий интеллект, крепкая многодесятилетняя дружба и замечательные, добрые и в то же время требовательные учителя. Учителям и товарищам спасибо за то, что пришлось шесть лет по жизни идти с ними рядом.

Выпускник
1956 г.

ПОТАШНИКОВ
Юрий Моисеевич

«БОКС» В МОЕЙ ЖИЗНИ

Кто придумал эту феерическую, сногшибательную аббревиатуру? Кто первый сказал «Стоп!» и развел вульгарных драчунов, разбивающих друг другу носы? Кто умыл их, надел фраки с бабочками, научил шутить и зубоскалить и торжественно провозгласил: «БОКС!»? Не знаю, как насчет сатиры вообще, а комсомольская сатира родилась в УПИ, в «БОКСе».

КАКИЕ НАШИ ГОДЫ

Я впервые пришел в редакцию в начале шестидесятых, скорее всего в 1953 году, студентом третьего курса. Кстати, по календарным канонам, шестидесятые годы предшествуют шестидесятому, а не следуют за

ним. Мы уже больше ста лет талдычим: «Шестидесятые годы, шестидесятники...», – считая, что они были после 1860 или 1960 года. Так и прилепились словечки к языку. А тут еще Самойлов пустил в оборот свои западающие в душу «Сороковые роковые...» Ну, да ладно. Пришел я в редакцию в качестве полноправного «тематиста», поскольку успел до этого сделать десяток выпусков физтеховской «Молнии».

Редакция располагалась в помещении комитета ВЛКСМ института. Я застал еще первого главного редактора Федорова. Сменным был смешливый Хрущев из группы архитекторов. В нашем распоряжении были один диван и один стол.

Шли последние донемелковские годы*. Оттепель оказалась какой-то странной. Было неясно, то ли она весенняя, то ли вовсе осенняя. «Заметки фенолога», публиковавшиеся в каждом номере «БОКСа», впрямую на этот вопрос не отвечали. Поговаривали, что эту рубрику придумал сам главный редактор. Все «Заметки» имели блестящие, совершенно неожиданные концовки, например: «Медведь – умный и опасный зверь. На него следует ходить с деканом». Или «...Я вышел из леса. Волки проводили меня до опушки. Дальше идти они побоялись. Штаны мои были совершенно мокрые. «Какая высокая роса», – подумал я».

Ко времени моего прихода в «БОКСе» работали 4 бригады. Газета стала еженедельной(!). Появились классные художники: Олифер, Богатырев, Лоскутов. Номера вывешивали у входа в комитет комсомола. Иногда толпа читателей запруживала широкий коридор. Возле каждого очередного номера слонялись тщеславные авторы: «Смеются или нет?» Было несколько градаций поведения читателей: хмыканье, улыбка, смех, хохот и гомерический хохот. Особенно внимательно мы наблюдали за самыми мрачными и неулыбчивыми. Мы были уверены, что до них просто медленно доходит и что они умрут от смеха часа через три-четыре.

Впрочем, «БОКС» в это время не был еще тем боевым органом, каким он стал через два-три года, на пике хрущевских реформ. Суровый приговор «Не смешно!» – мы выносили едва ли не каждой второй карикатуре. Но подросток наращивал силу. Появились новые рубрики: «Уголок уголовного», «По слезам наших выступлений», «Вести из-под отделов». В последней, например, была помещена такая заметка: «Начальнику хозчасти от зав. машбюро. Служебная записка: Прошу утеплить помещение. Пальцы примерзают к клавишам. Печатать невозможно. Резолюция: Плотнику тов. Долгову. Срочно заделать щели у машинописок».

*Для забывчивых напоминаю, что Немелков был представителем физтеха на комсомольской конференции 1958 года, где он озвучил политическую платформу физтеха, за что и поплатился исключением из ВЛКСМ и переводом в солдаты. В дальнейшем его жизнь сложилась, говорят, благополучно.

Окончив физтех, я подался в аспирантуру в УФАН, где из-за меня поспорили несколько докторов наук. Доктор Миллер требовал, чтобы я поступал к доктору Чуфарову, доктор Чуфаров был убежден, что я должен покорять вершины науки у доктора Диева, а доктор Диев ни о чем меня не просил и только улыбался. В результате я попал к кандидату Паздникову, которому благодарен по сей день.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

После безуспешного окончания аспирантуры я поступил лаборантом к профессору Каковскому и тут, в 1960 году, состоялось мое второе пришествие в «БОКС».

Началось с того, что ко мне явились бывшие редакторы Хазан и Силин. Не без таинственности было заявлено, что по ряду причин я должен возглавить редакцию. В ответ на мои сомнения, справлюсь ли, Силин приоткрыл карты: «Там, наверху, знают, что ты человек пишущий и имеешь опыт работы». Попахивало интригой. Я колебался, но тщеславие победило. Тем более, что пока я покорял вершины, «БОКС» из довольно ординарной стенгазеты превратился в великолепную еженедельную сатирическую панораму, украшающую вестибюль главного корпуса УПИ.

«БОКС» начал даже делиться и размножаться, как всякий зрелый организм. От него отпочковались «БОКС-СТЭМ», «БОКС-ФИЛЬМ», «БОКС-КУКЛА», «БОКС» что-то там еще... Коллектив редакции был, вероятно, самым сильным за всю историю газеты: Хазан, Силин, Блинов, Холодов, Потапов, Мягкий, Краузе, Дробиз. Последний был уже мэтром в сравнении с нами, сантимэтрами. Появлялся редко. Его первые рассказы были чудо как хороши.

Комитетом комсомола руководил В.А.Житенев, профкомом — А.Мехренцев. «БОКС» процветал. Естественно, это достигалось ценой тяжких усилий. Никто никому никогда ничего не приказывал. Это был не энтузиазм, а веление сердца. И все же каждый номер рождался в муках. Может, в этом была своя закономерность.

Но все же настоящий бум возникал во время отчетных комсомольских конференций. За день до заседания В.А.Житенев давал утечку — знакомил редактора с наиболее острыми разделами доклада. Благодаря этому уже к первому перерыву колонны фойе актового зала были опоясаны ватманскими листами с рисунками и текстами по фактам, только что обнародованным в докладе секретаря.

Самая трудная работа начиналась во время прений. Содокладчиков иногда удавалось расколоть до начала заседания. Дикие и спонтанные выступления приходилось слушать в живую, с величайшим вниманием, и горячие факты обыгрывать на ходу. Зато нередко бывало так, что оратор еще продолжал говорить, а очередной номерлюнию по его выступлению уже несли в фойе. За несущими двига-

лась толпа нетерпеливых читателей. Свободных колонок становилось все меньше.

В промежутках между конференциями редакционная жизнь входила в берега, но текла по-прежнему бурно. Взять хотя бы бесконечную свару с «ЗИКом». Она имела глубокие корни. Дело в том, что «ЗИК» был официальным печатным изданием УПИ, а «БОКС», хоть и был тоже органом всех комитетов, но выпускался сугубо на общественных началах. И был не печатным, а нередко и непечатным...

Временами между двумя органами наступало мирное сосуществование, но до сотрудничества не доходило никогда. «Боксера», печатавшегося в «ЗИКе», презирали. В периоды открытой вражды всякие мирные отношения прерывались. Так было, например, во время так называемого диванного кризиса. Конфликт возник из-за того, что при переезде «БОКСа» из комитета комсомола на антресоли фойе актового зала старый дырявый диван, законное и любимое рабочее место боксовских тематистов, по недосмотру остался в редакции «ЗИКа». Началось великое «диванное» противостояние. «БОКС» против «ЗИКа» явно не тянул. Жалобы, письменные представления, язвительные публикации, дипломатические маневры – все было напрасно. Диван оставался в «ЗИКе». Была даже попытка тайного его умыкания, но ночной сторож легко восстановил статус-кво...

Конфликт разгорался. На этой почве даже ухудшилась работа редакции. Снизилось качество номеров, возникали даже срывы их выхода в свет. Появилась новая постоянная рубрика: «На диванном фронте». Образовалась радикальная «диванная партия», угрожавшая организовать забастовку. Редакция стала сильно смахивать на знаменитый «Геркулес». Редактор приобрел зримые черты Полыхаева.

ДВЕРИ, ДЕВУШКИ И ДИВАН

В это время был окончательно утвержден территориальный суверенитет «БОКСа»: помещение редакции было отгорожено от остального пространства антресолей стеной из старых дверей. Отслужившие свой век двери притащили из разных мест и приколотили к общему каркасу. Красить их мы категорически отказались, несмотря на настойчивые требования хозяйки. Двери были объявлены памятниками истории, культуры и архитектуры. Ручки, таблички, крючки, замки – все было оставлено в неприкосновенности. В результате с ходу войти в редакцию могли только посвященные. Остальные безуспешно дергали все ручки подряд, осовело оглядывая двери и читая поблекшие разномастные таблички: «Отдел оборудования», «Котельная», «Стоматологический кабинет», «Баня», «Сберкасса», «М», «Ж» и т.д. Редко кто самостоятельно находил неприметную стеклянную дверь без ручки с крупной надписью на стекле. Впущенные в редакцию дверные страдалцы начинали истерически хохотать и восхи-

щаться нашим остроумием. Особенный восторг вызывало зеркальное написание таблички «БОКС». Мы с неизменным терпением и сугубой серьезностью объясняли пришельцам, что на самом деле надпись была сделана снаружи, но плотники перевернули дверь... Никто не верил этим объяснениями. Начинались ухмылки, смешки, подмигивания: «Знаем, мол, какие вы тут великие хохмачи!»

Вернемся, однако, к диванной войне, точнее, ко времени, когда Хазан и Силин пришли сватать меня на место редактора «БОКСа». Именно тогда и именно в связи с моим назначением был, по существу, окончательно разрешен диванный вопрос. «Сразу не соглашайся, — поучал Хазан, — попроси неделю..., нет, неделю нельзя, через неделю должен висеть очередной номер. Попроси, ну, скажем, полчаса. Для глубокого размышления. А потом поставь главное условие». — «Какое?» — «Пусть вернут диван». Услышав про диван, В.А. Житнев рассвирепел: «Ну, вы прямо как дети. Поймите, мне осточертело заниматься этим проклятым диваном. Что вы собираетесь на нем делать?» — «Работать...»

Он несколько успокоился. Затем снял трубку и набрал номер редакции «ЗИКа»: «Помнится, вы хотели отремонтировать диван. Уже не хотите? Но теперь это срочно необходимо». ...На следующий день диван был установлен в редакции «БОКСа». Справедливость воплотилась в потертую дерматиновую роскошь и жалобные перезвоны старых пружин, то и дело норовящих прищемить наши жалкие попки...

Именно в это время в редакции появились так называемые курящие девушки. Это был новый, невиданный дотоле колорит. Никто не знал, как их зовут, кто они и откуда, к кому и зачем пришли. Но им уступали место на диване и услужливо давали прикурить. Они часами сидели на диване и курили. Иногда с ними обсуждали какую-то новую идею, иногда давали посмотреть очередную карикатуру. Шурясь от дыма, они указывали сигаретами, что, где и как надо исправить. Но сами они никогда ничего не делали. Это был фон...

ПЕРЧАТКА ВИГЛИНА

Кстати о фоне. «БОКС» выходил на пяти-шести листах ватмана формата А-1. От чисто белого фона быстро отказались. Стали делать подходящую отмывку или закрашивать ватман гуашью. Безотказный наш поилец-кормилец А. Мехренцев, выделяя очередной транш, всякий раз страшно удивлялся: «На сто рублей гуаши! Да таким количеством можно весь главный корпус закрасить!» — «Для ЦК нужна серая краска, а в наборах ее нет». Через некоторое время мы требовали целую прорву клея... «Куда столько?» — «Хотим приклеить листья» — «???» — Мехренцев посмотрел в окно на унылый осенний пейзаж: «Хотите продлить осень?» Честное слово, из него вышел бы отличный тематист. — «Хотим выпустить номер с осенним фоном...»

Для создания фона в ход шли самые неожиданные вещи: старые журналы, газеты, обои, ситец и даже упомянутые осенние листья. Особенно охотно манипулировали с газетным фоном. При этом умело подвергивали к своим материалам подходящие газетные заголовки. Так, например, над заметкой о девушке, укравшей из «коммунистической» раздевалки десять болоньевых плащей, как бы случайно оказался крупный заголовок: «Сук надо рубить!» Избыток материала оседал на стенах институтских туалетов: «Выше темпы!», «Производство должно быть первосортной!», «Не забывать о поливе!»

Особо следует сказать о перчатке Виглина. Великолепный лектор, он рационализировал даже работу с мелом. Он брал старую перчатку, отрезал большой, указательный и средний пальцы и таким образом обретал возможность держать мел и одновременно использовать остальную часть перчатки для стирания написанного. Легко представить, во что превращалась перчатка после двух-трех лекций. И какой фурор среди студентов она вызывала, когда была пришпилена в витрине «БОКСа» с надписью: «Перчатка Виглина».

Было в отношении А.С.Виглина такое, о чем стыдно вспоминать. Ну, да из песни слова не выкинешь. Популярность А.С.Виглина была столь велика, что он вызывал даже некие геростратовские побуждения. Так, в течение некоторого времени регулярно, из номера в номер в правом нижнем углу газеты, после даты и всех официальных подписей стала появляться «самопальная» приписка: «Виглин – дурак». Мы стали смазывать крамольное место жиром. «Писатель» успокоился. Но однажды мы заметили, что в том же углу студенты отгибают лист, читают какую-то надпись и хохочут.... После этого «БОКС» был упрятан в стеклянную витрину. Я приношу покаяние и представляю неопровержимое доказательство ума и таланта А.С.Виглина: он сумел научить физике даже меня.

ХЕРЕС КАК СТИМУЛ К РАБОТЕ

Праздничные выпуски «БОКСа» тоже не были лишены остроты. В настоящих печатных изданиях номера обычно заполняются «цивильным», неофициальным материалом – стихами, юморесками, анекдотами, карикатурами, как правило, весьма низкого качества. В «БОКСе», естественно, было все не как у людей. Ведь «боксеры» сверх всякой меры «отшучивались» в будни. В праздники они как бы отдыхали. Муза сатиры получала короткий отпуск.

Поэтому в праздничных номерах «БОКСа» был принят нарочито сухой, официальный тон. Практически весь номер заполнял обширная передовая статья, написанная по всем канонам жанра. Остальное пространство занимал подходящий к случаю плакат: «Аврора» с пушкой к 7 Ноября, солдат в каске к 23 февраля, женская головка к 8 Марта, цветущая сирень к 1 Мая.

Только новогодние номера выпадали из этого скучного набора. Они были добрые, светлые, лиричные. В них не было сатиры, только юмор, хотя порой и довольно занозистый, помещались самые лучшие карикатуры. Их выбирали из редакционного загашника, где хранились «шедевры», которые жалко было вставлять в будничные номера газеты.

Почетное место в новогодних «БОКСах» занимали изошутки – жанр, поднятый газетой на небывалую высоту. Это всем известные «Пять лет в институте», к которой приложил руку Тетерин Г.А. и блестяще исполнил Олифер, «Елка-оптимист и елка-пессимист» по идее Дробиза, «Там, на неведомых дорожках» Холодова, «На побывку к матери» Блинова...

Повторюсь, что выпуск любого номера давался нам нелегко. Каждый представлял собой маленькое чудо. Но все же любой рядовой номер можно было просрочить. Новогодний же – ни за что и никогда. Один из таких номеров безнадежно, катастрофически опаздывал. Мозговой штурм начался вечером 30 декабря. На помощь пришел Юзбашев. Он с порога заявил, что без вина у нас ничего не получится. Сброситься на несколько бутылок хереса – это была его идея. И он же лично воплотил ее в жизнь.

Работа закипела. Время шло незаметно. Не успели оглянуться, как пробило одиннадцать. Институт опустел. В переходах появились сторожевые собаки. Одно из этих умных животных, как бы понимая, куда мы устремимся после распития хереса, расположилось прямо у дверей мужского туалета...

Мы не сразу осознали безысходность положения. Остатки нашей трапезы собака отвергла с похвальным равнодушием. Отвлекающие маневры успеха не имели. Гремя цепью, овчарка легко парировала все наши попытки прорваться к заветной двери.

Пришлось вернуться восвояси. Юзбашев сказал:

– Вам хорошо: вы можете ... в бутылки.

Это было не просто спасение. Это было счастье – как в известном анекдоте.

– А ты? – удивленно спросили мы.

– Сделать это мне не позволяют мое кавказское воспитание и уважение к благородному напитку.

Он открыл окно и поставил размашистую подпись на белоснежной скрижали...

Мы запечатали бутылки, наклеили на них предостерегающие этикетки: «Не пей! Это не херес, а то, что из него получается», – и выбросили их в окно. Следы преступления четко обозначились на белом фоне. Их мог скрыть только свежий снег. Но снег в ту ночь так и не пошел. Наутро баллистическая экспертиза с неопровержимостью установила, откуда были выброшены бутылки. Нас спасла новогодняя «амнистия».

ЭПИЛОГ

Что еще сказать о «БОКСе»? Разумеется, он был популярен среди студентов многих вузов страны. На выставках его неоднократно признавали лучшей студенческой сатирической стенной газетой Союза. Знаменитые мастера сатиры выражали ему свое признание. В книге отзывов «БОКСа» есть историческая запись:

Друзья! Успехам вашим рады!
Поднять престиж желая земляков,
Шагаем в «Бауманку» творческой бригадой:
Борис Ефимов, Кукрыниксы, Михалков.

«БОКС» того времени, о котором я пишу, был не просто газетой, а подлинным историческим явлением в жизни института. Понятия «УПИ» и «БОКС» были неразделимы. Читать «БОКС» приходили студенты из всех вузов Свердловска. Его любили и регулярно читали преподаватели. Газета была маленьким, но ярким символом послесталинской оттепели. Оттепель часто называют хрущевской. Это неверно. Она именно послесталинская. И в этом смысле она продолжается.

«БОКС» после 1964 года – это уже другая история. Пусть ее пишут другие. Мне же остается лишь взгрустнуть напоследок о счастливых и неповторимых годах моей работы в «БОКСе». И закончить тем, с чего начал эти заметки, – своими «календарными» рассуждениями о веке, который стремительно тает на наших глазах. Созвучие с известным «Век мой, зверь мой...» – не более, чем созвучие. Даже такой провидец, как Мандельштам, не мог представить, каким зверем окажется наш век:

Летят, летят последние дни двухтысячелетние.
Наш век уходит в прошлое – великое и пошлое.
И годы века разные – прекрасно-безобразные –
Слоятся в нашей памяти, как снеговые наметы.
Десятые – серебряны. Двадцатые – перевернаны.
Тридцатые предгрозные, сороковые – слезные.
Пятидесятых не было: война по ним проехала.
А за шестидесятыми выросли грибами – атомы.
В семидесятых силы – лишь на зарю хватило.
Прошли восьмидесятые – геронты плутоватые.
Проплыли девяностые – идейные, да постные.
Мы доживем до соточки...
Давай за них – по стопочке!

Июль 1998